

Виктор Вургафтик

Мои представления

(Киев)
(ноябрь 1969 г.)

Мои представления постепенно изменяются, всё более приближаясь, как я полагаю, к истине. Это, быть может, та самая абсолютная истина, к которой, согласно официальной точке зрения, приближается научное познание; но я знаю, что человек может её достичь и без оного. Однако она и подходы к ней значительно глубже мышления и потому не могут быть добыты рассуждениями и дискуссией. Рамакришна, который видел её так ясно, как немногие из живущих, не был силён в аргументации, логике.

Последнее время я говорю о мире на языке планиметрии. При этом лучше пользоваться квантовой планиметрией; под нею я понимаю плоскую геометрию, в которой длина может быть не любой, а лишь кратной некоторой неделимой длине – её называют элементарной; я буду называть её единицей. Таким образом, длина участка какой-либо линии /прямой или кривой/ между двумя её точками может быть равна нулю /тогда эти точки совпадают/, одной единице, двум, трём и т.д., n единицам / n – целое неотрицательное число/, но не может равняться $2/3$ или $12,4$ единицам. Существует мнение, что геометрия реального мира именно такова, но из-за того, что единица ничтожна мала / $\sim 10^{-13}$ см/, мы этого обычно не замечаем, и нам кажется, что длина изменяется не скачками, а непрерывно. Если это так, длину можно сравнить с энергией атома, которая, как известно из квантовой механики, может принимать лишь некоторые ступенчатые значения и потому изменяется только скачками, не выливается из атома, а высыпается. Меня не интересует, так ли обстоит дело с длиной, но язык такой геометрии кажется мне очень подходящим для описания мира.

Она существенно отличается от обычной. Так, в ней не через любые две точки можно провести прямую: в противном случае могло бы оказаться, что длина её отрезка между этими точками не кратна единице. Не всегда две непараллельные прямые пересекаются – ведь на какой-нибудь из них может быть точка, которая вместе с точкой пересечения выделила бы отрезок дробной длины. Вообще следует отметить, что не в любом месте данной линии можно взять точку; необходимо, чтобы её участки между взятой точкой и другими принадлежащими ей точками имели целочисленные длины. Кажется парадоксальным, что несовместимы окружность и её радиус – отрезок, соединяющий её центр с какой-нибудь её точкой; однако длина окружности /от этой точки до неё же/ $l = 2\pi r$, где r – длина радиуса, так что обе эти длины никак не могут быть целочисленными. Если проведена окружность, мы не можем провести её радиус, а если дан радиус, нельзя построить окружность. Но такова уж квантовая планиметрия! Ведь не удивляются же физики тому, что у электрона не может быть одновременно местонахождения и скорости и чем в

большей степени он обладает одним, тем в меньшей степени ему присуще другое /когда я говорю, что электрон не обладает скоростью, я имею в виду не то, что скорость равна нулю, а то, что это понятие не имеет для него смысла, как например, понятие цвета/.

Итак, представь себе множество всех лучей, исходящих из единого центра, и описанную из него дугу единичной длины. Допустим, она может двигаться, всегда оставаясь, однако, дугой с тем же центром и той же длины; понятно, что по мере приближения к центру она всё сильнее искривляется. Всякое ли движение для неё возможно? Если бы оно было плавным, каждый из её концов мог бы описать линию, не кратную единице, а такая линия в нашей геометрии невозможна. Значит, движение может быть только скачкообразным: наша дуга исчезает в одном месте и в тот же момент появляется в другом.

Пусть возможны лишь круговые и радиальные скачки. Чтобы представить себе круговой скачок, опиши из нашего центра дугу длиной в две единицы и совмести неподвижную дугу сперва с одной её половиной /положение до скачка/, а затем – с другой /положение после него/. А что такое радиальный скачок дуги?

Прежде всего рассмотрим такое её положение, в котором концы её принадлежат двум лучам, т.е. на луче от центра до дуги укладывается целое число единиц. Разумеется, никакие лучи, расположенные между этими, её не пересекают. Дугу в таком положении будем называть полной, а во всяком другом – пустой /причина употребления этих слов станет ясной позже/.

Так вот, если радиальный скачок совершается внутрь, дуга после него должна быть полной, причём часть плоскости, содержащая её и ограниченная двумя лучами, проходящими через её концы, должна содержать также прежнее её положение. Радиальный скачок наружу можно описать точно так же, только прежнее положение дуги становится новым и наоборот; таким образом, вначале она обязательно должна быть полной.

Скачки того и другого рода могут чередоваться по одному или сериями. Конечно, дуга всё время может совершать круговое движение. При этом она либо всегда полна, т.е. между скачками опирается на два луча, либо всегда пуста. Совершая же постоянное радиальное движение одного направления – внутрь или наружу – дуга должна быть всегда полной /за исключением, быть может, исходного положения при движении внутрь/. Она может достичь центра, свернувшись при этом в точку /как бы намотавшись на диск нулевого радиуса/, – ведь в этом положении она полна. Наконец, она может возникнуть из центра.

Как видишь, мой язык не исчерпывается геометрией – это язык кинематики. Теперь настало время объяснить, зачем мне понадобился весь этот аппарат, дать толкование притче.

Плоскость – это мир. Пусть в некоторый момент дуга полна. Рассмотрим её и часть плоскости, содержащую её и ограниченную двумя лучами, на которые она опирается. Дуга есть человеческое сознание, душа, в которой в данный момент находится эта часть мира. Или иначе: дуга – это субъект, а рассматриваемая часть плоскости – созерцаемый им объект. Тем самым два

луча, которые её ограничивают, представляют собою границу, отделяющую его от всего остального. То обстоятельство, что дуге принадлежит точка одного из этих лучей и точка другого /конечные точки дуги/, мы выразим теперь так: субъект созерцает границу объекта /а, значит, его самого/. Заметим, что в этом состоянии он не видит тех меж, которые разделяют самый объект, – он увидел бы некоторые из них, если бы отошёл дальше от центра, чтобы иметь возможность опираться на лучи, проходящие внутри объекта; таким образом, пока он этого не сделал, объект представляется ему цельным, неделимым. Так мы созерцаем птицу, если нам нет дела до того, что она состоит из головы, крыльев и пр. и тем более до атомов, из которых она построена. А что, если субъект приблизится к центру и прежний его объект растворится в большем? Вот что: он увидит как целое птицу вместе с деревом, а, может быть, и со всем лесом. Знакомо ли тебе такое видение?

При круговом движении один объект сменяется в сознании другим, находящимся на том же уровне, это простая смена впечатлений. А когда сознание пусто /дугу не пересекает ни один луч, так как в противном случае длина его отрезка от центра до дуги оказалась бы дробной/, в нём нет никаких границ, а, стало быть, нет объектов. В этом случае для человека – небытие, он без сознания или во сне без сновидений.

А если он видит сны? Значит, он созерцает объекты, его душа полна, как и тогда, когда он бодрствует. Только движется она не по своей привычной траектории и объекты видит непривычные: вместо нескольких знакомых объектов – их синтез или, наоборот, вместо привычного целого – его обломки; как правило, однако, происходят не столь простые изменения того, что мы видим обычно. Тебе, очевидно, ясно, каким образом первое связано с уменьшением, а второе – с увеличением радиуса, которому отвечает бодрствование. Между прочим, если засыпание не начинается радиальными скачками наружу, ему непременно сопутствуют сновидения, ибо скачки внутрь не могут приводить сознание к пустоте; после них оно может погрузиться в небытие, совершив скачок наружу; если теперь пробуждение невыполнимо скачком внутрь, оно также обязательно сопряжено со сновидениями: прежде чем перейти к бодрствованию, сознание должно двинуться внутрь.

Вообще, можешь ли ты провести чёткую границу между видением реального и видением, галлюцинацией? Если ты скажешь, что одно утверждается всеми и, следовательно, объективно, а другое – только одним, я напомню тебе о массовых галлюцинациях и, главное, смогу допустить, что души громадного большинства бодрствующих людей обращаются вокруг центра на одинаковых расстояниях и могут совмещаться друг с другом в конечном числе круговых скачков; что лишь некоторые сдвинуты с этого уровня внутрь или наружу либо несовместимы с большинством. Другими словами, я вправе допустить, что объективное – это просто созерцаемое обычно подавляющим большинством душ. Я считаю, что общий уровень принадлежит области науки и техники, так как наружная, опытная, часть этой области имеет дело с объективным. Глубже находится область математики, логики, философии /математическое или философское понятие охватывает множество

научных/, а ещё глубже – область искусства. И действительно, разве те явления, которые науке кажутся разрозненными, искусство не видит взаимосвязанными и нераздельными?

Из всех областей культуры наиболее близкой к центру является область Священного Писания. Она яснее всех рассказывает о центре, который, как ты, по-видимому, уже догадался, есть Бог. И действительно, человеческая душа, соединившись с Ним, не созерцает ли сразу все границы и все объекты, в том числе мир как единое целое? И не становится ли она Им? И не верно ли, что в Нём всегда есть душа, – ведь она отделяется от Него при рождении человека? А после смерти душа в конце концов сливается с Ним.

Разумеется, границы между областями культуры в общем условны. Обычно соответствующей области принадлежит не только содержание произведения культуры, но и его форма. Так, целостное научное произведение посвящено раскрытию некоторой научной идеи, научного понятия, и построено оно тоже из научных понятий. То же самое относится к произведению математики, только здесь мы должны говорить о математических понятиях, которые более глубоки, более общи, чем научные. А как обстоит дело в искусстве? Возьмём, например, исполнение скрипичной сонаты. Слышание каждого её звука может быть просто созерцанием скрипки /слово «созерцание» имеет у меня не только зрительный смысл/; можно взять и глубже, подумав о скрипке вообще, о понятии скрипки; но можно заметить, что каждый звук неповторим, ибо обладает бесконечным множеством свойств /которое отнюдь не исчерпывается высотой, громкостью, тембром и длительностью, но включает характер дрожания, быть может, тревожность и др./ и, таким образом, является самостоятельным, полноценным объектом, в котором «скрипичность» – лишь одно из них; что в сонате все эти объекты прекрасно пригнаны друг к другу, составляют живой организм. Это и означает, что ты настолько переместился внутрь, что увидел форму сонаты. Тогда на значительно более глубоком уровне ты, вероятно, заметишь и тот охватывающий все звуки цельный объект, который составляет её содержание. То же можно сказать, например, о рисунке, каждый штрих которого со всеми своими изгибами, утолщениями и пр. индивидуален, неповторим и гармонично сочетается с остальными штрихами. Не все в данный момент в состоянии совершить скачки, позволяющие созерцать форму художественного произведения, а затем – скачок на ещё более глубокий уровень, на котором можно увидеть содержание; иначе говоря, не все в состоянии полностью понять произведение и осознать его единство. Для науки это, естественно, легче, а для Священного Писания – труднее /людям часто кажется, что дело обстоит наоборот, но они ошибаются, когда думают, что полностью поняли художественную или библейскую книгу/.

В этом письме я пытаюсь раскрыть /для тебя и заодно для себя/ содержание, находящееся в области Священного Писания, посредством формы, которая состоит из математических понятий. Ясно, что совершить такой скачок весьма нелегко.

Теперь посмотрим, что такое творчество. Это, конечно, скачок или серия скачков внутрь от некоторого исходного уровня, в результате которой

разрозненные вещи видятся моментами чего-то большого и неделимого /экспериментальные факты – моментами закона науки, математические утверждения – моментами аксиомы математики, общеизвестные события – моментами идеи романа/. Творчество как раз и есть открытие этого большого, которое является не чем иным, как содержанием данного произведения.

Но ты можешь указать на другое различие между созерцаниями реального и нереального: первое видится обычно намного ярче второго, лишь в редких случаях видение по своей яркости может сравниться с реальностью, если не считать сновидений. Однако душа связана с телом. Связь эта состоит в том, что, во-первых, существует такой уровень, на котором она созерцает тело единым, не отличным от всего остального, и, во-вторых, предельное время её покоя тем больше, чем она ближе к месту этого созерцания; расстояние измеряется по дугам и лучам. Это означает, что душа в среднем проводит больше времени поблизости от ощущения своего тела отдельным неделимым объектом, как бы тяготеет к этому положению. В самом деле, человек больше занят своим телом, чем вещами, которые с ним непосредственно связаны, и подавно – чем вещами, связанными с ним слабее; при этом он сознаёт его цельным, но отличает от прочего. Так как душа обычного человека находится, как правило, на общем уровне, его тело должно представляться таковым именно здесь, и при этом должно быть расположено относительно других тел сообразно с требованием совместимости душ.

Теперь ясно, что такой субъект не может остановиться надолго не только на объектах, видимых вдали от общего уровня, но и на тех, которые можно созерцать на самом этом уровне далеко от его тела. А что для тебя отчётливее – дом, на который ты смотришь достаточно долго при свете солнца, или выхваченный из мрака вспышкой молнии /предполагается, что ты видишь его впервые/? Вот почему реальность кажется нам более яркой, чем воспоминание или фантазия. Мы видим относительно яркое сновидение тогда, когда душа уходит недалеко от положения, к которому она тяготеет. Но не видеть снов мы можем сколь угодно долго – расстояние пустой души от этого положения лишено смысла.

Следует учесть, что, двигаясь всё время на одном уровне в одном направлении, душа созерцает всё новые и новые объекты, ни один из них не заполняет её дважды; это, как легко сообразить, получается оттого, что число π иррационально. Значит, если душа нашего обычного человека находится на общем уровне «совсем близко» от своего тела, но в действительности может опереться на его граничные лучи лишь после одного или нескольких оборотов вокруг центра, она весьма далека от него, так что её объект кажется ей очень блеклым. А если она откуда-нибудь возвратилась на общий уровень так, что вообще не может созерцать своё тело в результате конечного числа круговых скачков /а, значит, не может таким путём совместиться с другими душами – очевидно, и это возможно/? Тогда её расстояние от него следует считать бесконечным, а время пребывания здесь – нулевым; иными словами, такое возвращение запрещено.

Итак, дерево представляемое, видимое во сне или в галлюцинации так же реально, как и то, которое признаёт реальным огромное большинство.

Ещё несколько слов о теле. Точно ли положение о том, что обычный человек созерцает своё тело на общем уровне единым и отличным от всего остального? Допустим, он голоден, и перед ним лежит вкусная еда. Не правда ли, он уже ощущает её неотделимой от себя и вместе с тем не принадлежащей телу? Это ощущение и есть желание её. Насытившись, человек и вправду чувствует своё тело единым и отдельным. Выходит, оно вначале охватывалось единичной дугой вместе с чем-то прилегающим к нему /скажем, с двух сторон/ – пищей, а затем заполнило эту дугу целиком. Аналогично обстоит дело с жаждущими водой, задыхающимся и кислородом. Существенно, что пища, вода, кислород не заполняют дугу, т.е. не являются для человека объектами. Когда же ему нужно избавиться от веществ, выводимых организмом, всё получается наоборот: он ощущает себя не единым, дуга не охватывает тела, а потом самоощущение становится обычным – это уже охват. Можно, таким образом, сказать, что тело пульсирует, – в этом и состоит отличие живого от неживого.

Общий уровень не следует представлять себе совершенно неподвижным, он медленно удаляется от центра /конечно, скачками в целое число единиц/. Не всегда он пролегал в области науки и техники. Было время, когда вся Европа признавала Священное Писание, т.е. когда европейцы находились гораздо ближе к центру, чем теперь. Было и Возрождение, в которое объективное более или менее совпадало с художественным. Может создаться впечатление, что расширение общего уровня есть само течение объективного времени. Однако это верно лишь в рамках одной эры: переход от язычества к христианству был движением общего уровня вспять – от развитых искусства, философии, математики к Священному Писанию.

Не следует ли отсюда, что все объекты, которые созерцались на общем уровне в какой-то период античности, могли быть объективными и в христианскую эру при достижении общим уровнем прежнего положения? Ведь мы не признаём становления и разрушения объектов независимо от человеческого сознания – они у нас суть неизменные части плоскости, ограниченные двумя лучами. Но души новой эры, занимающие общий уровень, сдвинуты по отношению к находившимся на нём язычникам таким образом, что не могут быть совмещены с ними посредством круговых скачков; я уже упоминал о такой возможности и о том, почему в любой период нашей эры для обычного человека такой сдвиг недостижим. Я хочу сказать, что наша эра – не просто повторение развития с какого-то места, но и существенно иное расположение душ на тех же этапах. Понятно, что в таком случае объект, ярко видимый большинством современников Платона, не может предстать перед достигшими того же уровня христианами, если не считать весьма далёких от нормы; исторические парадоксы вроде того, что прекрасный античный храм, разрушенный тогда-то, был вновь созерцаем в таком-то году в средневековье, невозможно; но ты, вероятно, видишь, каким образом из нашей кинематики

вытекает возможность вновь созерцать некоторые черты этого храма в храме христианском.

С этим вопросом тесно связан другой: а где на нашей плоскости мусульмане, буддисты и другие, как может быть не одно Писание, а много? Ответить на него теперь просто: представители других вероисповеданий сдвинуты по отношению к христианину и друг по отношению к другу так же существенно, как христианин по отношению к язычнику; я беру их, конечно, на одном уровне, хотя достигают они его неодновременно – у каждого вероисповедания своя эра, своё объективное время. Однако многие потомки христиан, мусульман и др. не связаны со своими верующими и в то же время связаны между собой; они населяют особый многолюдный интернациональный уровень, обжитый сравнительно недавно, и, понятно, в прежнем смысле сдвинуты по отношению ко всем верующим. Нечего и говорить, что этот общий уровень находится в области науки и техники.

Я недавно упоминал о том, что любой объект как часть мира, которую может созерцать по крайней мере воображаемый субъект, в нашей картине неизменен, не возникает и не уничтожается; что эти превращения происходят лишь в человеческом сознании. Каким же образом?

Время течёт, общий уровень удаляется от центра. Объект, видимый таковым на прежнем уровне, на новом может выглядеть не вполне единым т.е., строго говоря, уже не объектом /прежде души большинства людей могли опираться на ограничивающие его лучи, а теперь оказываются между ними/; говорят, что он обветшал. Другой объект может представляться на новом уровне разрушенным /т.е. концы душ оказываются по разные стороны от каждого из ограничивающих его лучей/. Люди могут увидеть объект, который прежде был растворён для них в большем объекте; в этом случае они говорят, что объект возник.

А как возникают и уничтожаются живые человеческие тела? Прежде всего отметим, что из-за своих пульсаций они, строго говоря, только в некоторые моменты представляются объектами. Далее, перед рождением ребёнка тело женщины не едино – дуга не в состоянии его охватить; а после родов женщина с ребёнком есть почти одно целое – дуга почти охватывает их обоих. Луч, который их разделяет, поворачивается до тех пор, пока тело матери не видится единым и отличным от остального; при этом другой из лучей, выделяющих ребёнка, поворачивается в ту же сторону, и в конце концов его тело представляется почти таким же; разумеется, всё это происходит посредством пульсаций обоих тел. Душа ребёнка движется в это время наружу, как бы навстречу телу, и, наконец, они встречаются: совершается переход людей на новый уровень, на котором тело может заполнить душу, что и является обычным самоощущением взрослого человека. В дальнейшем тело приспособливается к каждому новому уровню: пульсация изменяется так, что оно по-прежнему может быть созерцаемо большинством людей близким к настоящему объекту; заметь, что этот объект оказывается всякий раз иным. Но с течением времени приспособление к единичной дуге становится всё менее полным, тело видится всё менее единым; оно дряхлеет. Когда же наступает

такой момент, что оно не может занять на очередном общем уровне положение, соответствующее положению душ, оно представляется здесь разрушенным, т.е. человек умирает. Его душа должна, однако, находиться здесь и быть по-прежнему совместимой с другими; если допустить, что её связь с телом сохраняется, мы придём к противоречию: ведь тогда она не может быть в этом положении – бесконечно далеко от тела. Значит, эта связь нарушается. Теперь душа любое время может созерцать любую часть мира, которая вообще доступна созерцанию, и рано или поздно сливается с центром.

Подводя итог вопросу о разрушении объектов, можно сказать, что судьба неживого объекта при переходе к очередному общему уровню зависит от размещения на нём человеческих тел /всегда, конечно, такого, при котором все они могут быть объектами для всех душ/. Что же касается самого человеческого тела, его гибель вызывается лишь сочетанием неблагоприятного размещения тел и невозможности совершить приспособляющие к нему пульсации. Отметим, что пульсации такого рода приводят к повороту объекта, каким в иные моменты является тело, вокруг центра и могут быть названы несимметричными – в отличие от симметричных пульсаций, т.е. тех, при которых этот объект неподвижен /они происходят при неизменном общем уровне, если не считать пульсаций матери и ребёнка/.

Так как течение одной эры состоит в удалении людей от центра, от Бога, каждой новой душе приходится догонять своих современников, проходя всё больший путь. В целом он растёт ещё из-за того, что люди совершают всё бóльшие радиальные скачки с общего уровня наружу, в результате которых мир представляется всё более расчленённым – сперва на атомы, затем на электроны и ядра, а ныне последние выглядят как система нуклонов. Ещё в прошлом веке заразные болезни казались неделимыми, а теперь люди представляют себе не только составляющие их бактерии, но и вирусы. Не следует забывать, что бактерии, атомы, электроны и пр. люди созерцают отнюдь не на общем уровне, для этого им приходится уходить далеко с него наружу; тем самым такие созерцания крайне непродолжительны и потому неярки – они намного уступают в этом отношении восприятию обычных объектов.

Вместе с тем наука проникает всё ближе к центру; теория относительности явилась в результате глубочайшего из таких проникновений – проникновения в область геометрии. Таким образом, удаление общего уровня от центра сопровождается расширением той области по обе стороны от него, которую исследует наука.

Что же устремляет учёных и всех прочих людей к Богу? Не что иное, как все те же поиски смысла жизни. Не правда ли, там, где обретается большинство людей, где в сознании сменяют друг друга чрезвычайно многочисленные, составляющие необозримое множество впечатления, сущее кажется чересчур далёким от единства, а, значит, и от осмысленности? Чем ближе душа к центру, тем меньшим числом частей исчерпывается для неё мир, а если это расстояние равно единице, – всего семью; мы не видим такого единства мира ни во сне, ни в творении! Так вот, люди стремятся поближе к центру и притом к более продолжительному пребыванию здесь, чем это допускается связью души с

телом. По-видимому, у некоторых связь более эластична и позволяет это, но требует столь же продолжительного пребывания снаружи от общего уровня на большем расстоянии от него /расстояния находятся в такой же взаимозависимости, как и инверсии/. Это объясняет чередование состояний блаженства и отчаяния у художника – в первых окружающее полно для него смысла, во вторых бессмысленно; ведь амплитуда колебаний около общего уровня у художника должна быть куда больше, чем у учёного; и не из-за этих ли колебаний художники так часто сходят с ума? И не поэтому ли гениальность и помешательство иногда сопутствуют друг другу?

Между прочим, чем определяется специализация человека? Почему один изучает свойства твёрдого тела, а другой – функционирование генов? Почему у одного живописное восприятие мира, а у другого музыкальное? Поля деятельности различных наук и различных искусств располагаются вокруг центра, только вторые – значительно глубже первых. Очевидно, душа может намного дольше созерцать находящееся в том поле, через которое проходит её тело. Значит, специализация зависит от расположения тела /все объекты, являющиеся им в различные моменты, мало отличаются друг от друга/. Интересно, что с телом связаны как наиболее светлые моменты души, так и наиболее чёрные. В первые оно может исчезнуть для неё в чём-то большем, во вторые – само быть не единым.

В связи с расширением общего уровня у тебя может возникнуть вопрос: неужели объекты, представляющиеся нам понятиями или художественными образами, т.е. созерцаемые на уровнях, много более глубоких, чем общий, могли когда-то быть обычными, такими, как ныне кошка или бриллиант? Приходится признать, что это так. Например, тяготение, понятие, охватывающее тяготение данного камня к Земле, тяготение Марса к Юпитеру, тяготение Земли к Солнцу, тяготение Солнца к Сириусу и пр., очень давно могло видеться как нечто живое, властно влекущее предметы вниз. Или возьмём сказочные образы русалок. Ещё недавно при лунном свете морякам случалось их видеть, но учёные установили, что это морские коровы – похожие на них животные. И тем не менее моряки видели русалок, а учёные – морских коров – первые приближались к центру, тогда как вторые оставались на общем уровне. Русалку, зримую весьма глубоко, находящуюся на поверхности сознания расщепляет на множество различных животных, у которых имеются общие с нею признаки; среди них – и морские коровы. Конечно, это видение моряков было мимолётным, но очень давно люди могли видеть русалок подолгу и оставили о них свои предания. Что же мне мешает верить, например, Моисеевым или Иисуса Навина свидетельствам, воспринимаемым ныне как чудеса?

Когда-то Бог отделил от Себя первую человеческую душу и когда-нибудь примет последнюю.

Я думаю, что возможности этого языка не исчерпываются сказанным здесь. Может быть, я попытаюсь осмыслить на нём булгаковских Воланда со свитой, летающих мертвецов, вампиров и ведьм, покой, который обрели мастер и Маргарита. Мне кажется, всё это связано с тем, что после смерти души,

видимо, не всегда сразу попадают на центр. Возможно, вблизи него – особый мир, населённый сказочными и мифическими существами. Возьми, например, дерево – обычно оно не кажется тебе единым, ибо по одной ветке ты не можешь угадать, какое оно, и видишь, что часто даже из оставшегося от него пня растут зелёные ветви. А что если где-то глубже общего уровня его можно созерцать как единый объект, вернее, как нечто живое, близкое к таковому, – ведь оно пульсирует? Очевидно, это нечто – уже не растение. Может быть, это дриада, о которой говорили греки, и к тому же её душа жила некогда среди нас?

Приступая к этому письму, я хотел только изложить то, что уже знал; но, попытавшись это сделать, я обнаружил, что придётся существенно переработать свои представления. Теперь они выглядят более точными, законченными и последовательными, и я благодарен тебе за это.

Если тебя заинтересует их предшествующая эволюция, прочти три небольшие работы, которые я посылаю, – это три отметки на моём пути; читай их в той последовательности, в которой они написаны. Что же касается стихов и толкований к ним, то они закончены ещё зимой, только мы никак не соберёмся их оформить для тебя. Когда это будет сделано, мы их пришлём.

Виктор
Киев, ноябрь 1969 года.